

К Р О К О Д И Л

Кукрыниксы 42

Рис. Кукрыниксы

Есть на Волге утес!

Рис. В. Горяева

- Продолжайте, ефрейтор Мюллер, я вас слушаю.
- Итак, я поджог три дома...
- Молодец, обер-ефрейтор Мюллер!..
- Расстрелял нескольких жителей...
- Bravo, унтер-офицер Мюллер!..
- И убил четырех детей.
- Я вполне доволен вашей службой, лейтенант Мюллер!

Подарок ✓

У Маруси вьются брови
Черной шелковой тесьмой.
Дышит взгляд ее любовью,
Пишет девушка письмо:

«Друг мой, Коля или Петя!
Как зовут, ответишь мне,
Напиши про мой пакетик:
Пригодился ли вполне?»

Свитер, варежки связала,
Чтоб в бою ты не продрог,

Чтоб рука не замерзала,
Чтоб верней ходил курок.

Но подарок самый важный
В этот сверток не вошел:
Он для тары для бумажной
Вроде несколько тяжел.

В бой жестокий и упорный
Двинет новенький «КВ».
Знай, что цех наш вместо
нормы

Выполняет ровно две!

Так, смотри же, наш подарок
Ты достойно обнови:
В сокрушительных ударах
Сотни гадов раздави.

Бей фашистов боем смертным,
Пусть рекой их кровь течет.
Я в письмо кладу конверты —
В них пришли мне точный счет».

В. ГРАНОВ.

Символический знак

(Быль)

НА КАРТЕ это село называлось... ну скажем, Жуковка или Крюковка.

О таких селах в газетах глухо говорится: населенный пункт. И это был действительно скромный населенный пункт. Жители села, конечно, не знали, что их населенным пунктом занимается германская штаб-квартира и сам Гитлер дважды интересовался, взята ли наконец Жуковка (или Крюковка).

Этот малоизвестный населенный пункт занимала одна наша упрямая воинская часть, чьи окопы и блиндажи врезались углом в немецкие позиции. Немцы называли этот угол «апендикс», т. е. отросток слепой кишки. Известно, что воспаление этого отростка чрезвычайно болезненно, и наши позиции у Жуковки действительно причиняли много беспокойства немцам.

«Апендикс» бомбили днем и ночью, на «апендикс» шли в атаку танки, не раз его пробовали взять «психической атакой». Был такой день, когда наши бойцы отбили одиннадцатый атак и даже немного продвинулись вперед.

Так продолжалось три месяца. «Ничья земля» между нашими и немецкими позициями поросла высоким бурьяном и чертополохом. Два месяца было затишье на этом участке фронта, и вдруг «апендикс» опять дал себя знать немцам: они снова ринулись на Жуковку и, уложив два батальона эсэсовцев, успокоились на сутки.

На следующее утро после атаки капитан Захаров, оглядывая вражеские позиции в стереотрубу, увидел знак, дорожный знак, прибитый на палке. Это был обыкновенный дорожный знак — стрела, указывающая путь на восток, и немецкая надпись: «До Жуковки 5 километров».

— Вот гады, — сказал капитан, — сами себя подбадривают. Мол, пять километров, всего только пять, — шлевое дело. А вот попробуй пройди.

В тот день было много разговора о дорожном знаке немцев. Его попробовали сбить ружейным огнем, но потом бросили.

Начальник разведки Шведченко мигнул своим «орлам» Костину и Акоюну, и они ушли на совещание в кустарник позади переднего края. Ночью Акоюн и Костин исчезли. Никто особенно не беспокоился. Они ходили в зарослях «ничьей земли», как у себя дома. Но утром немцы увидели вместо своего дорожного знака, вместо стрелы с надписью «До Жуковки 5 километров» другой, всем известный, дорожный знак — красный круг с буквой «Р», обозначающий на дорогах всего мира: «Стоянка автомашин».

Немцы поняли. Это был явный намек на их броневые машины и танки, подбитые, закопченные, лежащие неподвижными грудками металла в ложбине вблизи нашего переднего края. Теперь пришел их черед, теперь они стреляли по нашему дорожному знаку и скоро убедились в том, что сбить его нелегко.

Прошла ночь. Наутро капитан Захаров увидел, что дорожный знак «Остановка автомашин» перечеркнут по диагонали синей линией. Это обозначало, что автомашины следуют без остановки. В этот день была танковая атака, около 30 танков пробовали взломать нашу оборону. Весь день шел бой, весь день работали наша противотанковая артиллерия и противотанковые ружья. Десятки немецких автоматчиков навсегда успокоились перед нашим передним краем. К ночи пошел дождь и все стихло. Новые подбитые машины дымались перед нашим передним краем. Дорожный знак немцев, обозначающий «Автомашины следуют без остановки», исчез.

Но в этот же вечер никто не мог сказать, где находятся Шведченко и его «орлы». Они снова удалились в кустарники: оттуда доносились визг пуль, стук молотков и смех. Ночью все успокоилось, изредка только све-

ПО НЕЗАВИСИЩИМ ОТ ПОЧТЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ

Рис. К. Елисеева

Задержано доставкой.

тили мертвенным ослепительным светом ракеты.

Затем взошло солнце, и вдруг наш передний край огласился громовым хохотом. Оглушительно хохотали командир, бойцы толпились у стереотруб, неохотно уступая друг другу место.

На «ничьей земле» возвышался, обращенный к немцам, тщательно нарисованный, выпиленный из фанеры, трехметровый кукиш.

Он был раскрашен и нарисован очень искусно мастером своего дела Костиным, художником-плакатистом.

Трудно себе представить ярость немцев! Они извели сотни патронов на фанерный кукиш. Пули пробивали его насквозь, а он стоял как ни в чем не бывало.

Ночью дозорные услышали оглушительные разрывы мин и воли. Утром трехметровый кукиш стоял попрежнему на «ничьей земле», а в двадцати метрах от него лежали тела немцев. Костин предвидел, что немцы постараются ночью убрать его произведение, и минировал подходы к фанерному кукишу.

Три недели стоял, как монумент, фанерный кукиш — символический знак, ответ немцам, стремившимся во что бы то ни стало взять Жуковку. Его мочили дожди, его обдували ветры, над ним летали мины, а он стоял, напоминая немцам о неудаче.

Так длилось три недели. Через три недели, после грозной артиллерийской подготовки, наша часть перешла в наступление и отбросила немцев на 20 километров к западу. Фанерный кукиш оказался у нас в тылу. Его выкопали из земли. Он был изрешечен пулями. Это был боевой, поистине обстрелянный кукиш. И когда бойцы думали о том, сколько крови он испортил немцам и сколько фашистской крови из-за него пролилось, они с уважением смотрели на этот символический знак.

Л. НИКУЛИН.

Ода Грете

«Анализ этого чая», поставленного немецкой армии в количестве 10 вагонов гамбургской фирмой «Грете», показал, что он состоял из гнилых буквых листьев, полустгнивших отбросов дерева, вереска, кизяка и кроличьего кала».

(Из немецкой газеты «Шварце кор»)

Хвала тебе, о фирма «Грете»!
Твоей заботой согреты
Кишки, желудки и сердца.
Не твоего ль отведав чая,
Фашисты мечутся, скучая,
И в смертном страхе ждут конца?

Хвала тебе, безвестный кролик,
Виновик нестерпимых колик!
Нет, не пропал твой скромный кал,
Его, во славу атамана,
Из покоренного стакана
Бандит — эсэсовец лакал.

Хвала листу гнилого бука —
Напитку нового Мальбрука!
Хвала вам, вереск и кизяк!
Да, ворам поделом та мука,
Та сногсшибательная штука,
Тот чай отчаянных вояк!

Хвала! Но Фрицу не по нраву
Чай, им заслуженный по праву,
И на чужой он лезет чай.
Мы не скучимся, угощая,
Горячего хватает «чая».
Давись и получай на чай!

А. РАСКИН

Рис. А. Баженова

— Трезво рассуждая, Фриц, нас посылают на верную смерть.
— Чудак! А кто тебя просит трезво рассуждать?

Лихорадка V

АНТОНЕСКУ слегка не рассчитал. Он не учел, что количество румын просто-напросто не хватит на войну. Количество румын прямо иссыкает на глазах, а войне конца не видно.

— Сколько у нас осталось румын?—спрашивает иногда Антонеску в ярости и тоске своих приближенных.

— Маловато, господин премьер-министр,— отвечают ему.

— Что значит «маловато», ведь недавно их было до чорта. Куда ни поглядишь,—все румыны да румыны.

— Очень сильно их убивают, господин премьер-министр. Часа не проходит, чтобы не убивали.

Кроме того Антонеску не учел, что румыны вообще по каким-то странным причинам вовсе не горят желанием помирить и быть истребленными во славу Германии. Просто не замечается такого энтузиазма у румын. Не то чтобы румыны были вообще против войны, этого сказать нельзя; они за войну, но без собственного, так сказать, в ней участия.

Кроме того румыны, как правило, хотят кушать. Вместо того чтобы отказаться раз навсегда от этого вредного занятия, румыны все время хотят кушать. Просто их от этого отучить нельзя. И мало того что румыны хотят кушать вообще: они желают предаваться этой пагубной привычке ежедневно, а то и по нескольку раз в день.

Антонеску ничего не пришлось сделать, как объявить себя диктатором. Конечно, Антонеску легче будет теперь справиться с румынами.

Стал Антонеску диктатором: сам решает, сам законы пишет. Но лихорадка, которая бьет Румынию, от этого только увеличилась. Румыны заводят антивоенные дискуссии.

— Они у меня подискутируют!—сказал в

ярости Антонеску.— Два года тюрьмы за дискуссии!

— Ах, господин премьер-министр, они еще при этом такие слова употребляют и даже кулаками грозят!

— Вот они у меня погрозят! Получат по два года тюрьмы—сразу успокоятся.

Но лихорадка била Румынию все сильнее.

— Что румыны?—спросил Антонеску.

— Что румыны?—ответили ему.— Известное дело: румыны недовольны.

— Ругаются?

— Невозможно сказать, как, господин премьер-министр.

— Ах, так!.. А ну-ка составьте постановление о вежливости.

— То есть как?

— А так просто. По примеру Геббельса, который заставлял немцев быть вежливыми.

— И что: заставил?

— Перестаньте задавать вопросы! Пишите так: «За грубость, за некорректное обращение—два года лагерей». Они у меня запоют, румыны! Они думают, что если они румыны и я румын,—я с ними нянчиться буду. Пишите постановление...

— Господин премьер-министр...

— Что вам?

— Я в том смысле, что, может быть, немного поругаться можно? Не сильно, конечно. Ну, там, к примеру, скажем, вдова с детьми... Ну, если там дети голодные... Ну, она возьмет и скажет: мол, ах, чорт возьми, как мне того...

— Что «того»?

— Ну, мне, мол, трудно, чорт возьми, голодно...

— Нельзя. Никаким образом нельзя!

Нам неизвестно, станут ли румыны после декрета Антонеску более вежливыми. Если судить по немцам, то не станут.

К. ФИНН

Рис. Ю. Ганфа

— Посмотри, какой грустный!
— Еще бы! Ведь получен приказ немецкого гарнизона на русский фронт и остался.

Метки

(По столбцам красной армии)

КОРОТКО И ЯСНО

— Господин генерал, после боя с советскими гвардейцами мой полк СС нуждается в пополнении.

— Сколько же вам нужно?

— Полк, господин генерал!

(«Советский воин»)

СЕЗОННЫЕ РАЗГОВОРЫ

ФРИЦ:—Перестань зубоскалить, Ганс. Лучше скажи: протянем ли мы вторую зиму?

ГАНС:—Почему-то мне кажется, что если мы не уберемся отсюда до наступления зимы, то наверняка протянем ноги.

(«Фронтвик»)

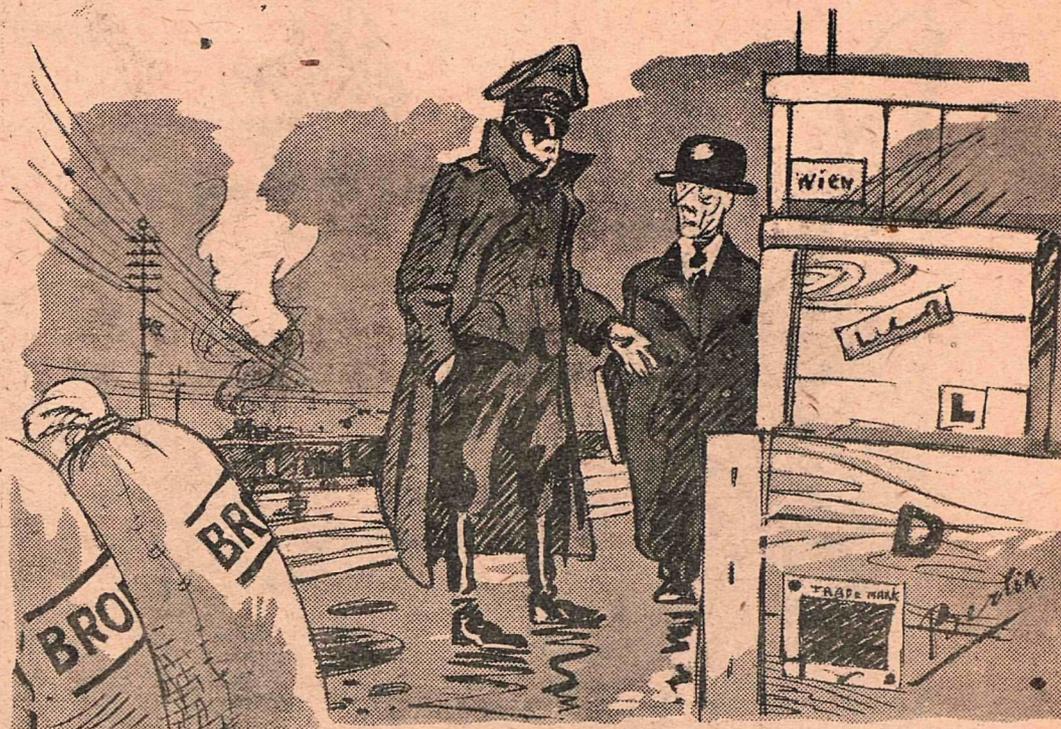
ПОЕЗД УХОДИТ НА ВОСТОК

(Роман в одной части, без продолжения)

Поезд дрогнул и увез Ганса Кнопке на Восточный фронт. Фрау Кнопке последний раз

Ганс Шреккер. приказ отправить пятьдесят процентов фронт. А из всего гарнизона он один

— Так вот, новый порядок отправки продовольствия в Германию будет такой: первый эшелон адресуйте в Берлин, второй — в Мюнхен, третий — в Кенигсберг и т. д.

Сто итальянских писем

ИТАЛЬЯНСКИЙ министр пропаганды Паволлини вызвал к себе цензора Чурбани и строго сказал:

— Плохо работаете. В письмах наших храбрых солдат пропускаете всякую чепуху, которая плохо влияет на моральное состояние итальянского народа. Принесите мне сегодняшнюю почту, я научу вас, как надо работать.

Оставшись один, Паволлини включил радиоприемник и, пройдясь по эфиру, остановился на радиостанции Хельсинки. Началась передача известий на итальянском языке:

«Любопытно, что финны скажут итальянцам?» Диктор только успел сообщить про одного легендарного финского летчика, сбившего двести советских самолетов, как в кабинет вошел цензор Чурбани. Он принес сто писем итальянских солдат с советско-германского фронта.

Паволлини выключил радиоприемник и бодро заговорил:

— Каждый цензор должен усвоить несколько простых правил. Поясню это на примерах. Наши храбрые рыцари, безусловно, жалуются в письмах на свои большие потери. Все это цензор вычеркивает. Понятно?

— Но сегодня наши солдаты об этом не пишут, — осторожно заметил Чурбани.

— Прекрасно! Значит, они опять рассказывают об оскорблениях со стороны германских солдат. Подобные факты подлежат безоговорочному изъятию...

Увлеченный, Паволлини коснулся и других вопросов, о которых не должен знать народ в Италии: о страхе итальянских солдат перед надвигающейся русской зимой, о плохом снабжении, о действиях партизан. И каждый раз цензор Чурбани упорно повторял:

— И об этом сегодня не пишут итальянские солдаты!

— Ага, понимаю. Следовательно, наши рыцари уже научились писать бодрые письма, проникнутые безграничным оптимизмом. В них каждая строчка по своей поэтической насыщенности не уступает лучшим серенадам...

Угрюмый цензор Чурбани отрицательно покачал головой.

— О чем же тогда, черт возьми, пишут итальянские солдаты своим родным и знакомым? — Паволлини встал, нетерпеливо взял со

стола несколько писем, разорвал конверты и углубился в чтение.

Вот что писали итальянские солдаты:

Антонио Барселлини из Неаполя: «Моя дорогая крошка! Убедительно прошу, не заводь знакомств с военными другой национальности, которые могут заразить шеюрошными болезнями».

Джузеппе Ризетти из Милана: «Птичка моя ненаглядная! Ходят слухи, что таинственные иностранцы, завладевшие Италией, принесли к нам болезни, называемые по имени той статуи без рук, которая стоит при входе в наш музей. Будь осторожной!»

Луиджи Спрочелли из Турина: «Солнышко мое ясное! Рекомендую по вечерам сидеть дома, что предохранит тебя от жадных взоров солдат и офицеров энской национальности, распространяющих среди итальянок энские заразные болезни».

Марио Прозетти из Палермо: «Боже мой! Я вине себя от твоего необдуманного поступка. Зачем ты сдала свободную комнату не коренному жителю города, а офицеру-иностранцу? Ведь среди офицеров этой национальности большинство больны!.. Я думаю, понятно, чем? Моллю провидение о милости к тебе».

Паволлини тяжело опустился в кресло, вытер со лба струйки пота и, не зная, что сказать, машинально включил радиоприемник. Финский диктор, заканчивая передачу, сообщил следующее:

«Начиная с будущего года, в Финляндии вводит в силу новый закон, согласно которому все венгерические больные в обязательном порядке должны подвергаться лечению и находиться под наблюдением врачей».

Угрюмый цензор Чурбани неожиданно оживился и глубокомысленно сказал:

— Великодушно поступают пострадавшие финны, которые предупреждают итальянцев о прозябей им со стороны немцев венгерической опасности. Но только не поздно ли? Интересно также посмотреть: как это финские власти заставляют лечиться немецких солдат и офицеров? Или этот закон только для внутреннего потребления и не касается находящихся в Финляндии иностранцев?

Паволлини о чем-то сосредоточенно думал.

С. ГЕРАСИМОВ

ударом

ноармейской печати)

нежно махнула платочком и пошла в магазин за траурной лентой.

(«Ленинский путь»)

В НЕМЕЦКОМ ТЫЛУ

1-я НЕМКА:—Сегодня моего мужа призвали в армию.

2-я НЕМКА:—Я думала, он у тебя старик.

1-я НЕМКА:—Нет, что ты: ему всего шестьдесят лет.

(«В бой за родину»)

«СОСЕДИ»

— Послушай, Англи... Ты не знаешь, куда девался вещевой мешок, который я стянул у подслеповатого Юсси?

— Ты забываешь, Пекка, что по соседству с нами расположена немецкая часть...

(«В бой за родину»)

Рис. Б. Фридкина

— Сейчас похоронили полковника Храпте.
— В присутствии полка?
— Так точно! Полк уложен в ту же яму.

✓ Солдат на крыше

НАДНЯХ в Хельсинки произошел забавный случай.

Об этом написала на фронт солдату Тойво Салоканнелю его жена. Письмо, а заодно и сам солдат Тойво Салоканнель попали в руки наших бойцов.

Вот что пишут из Хельсинки, столицы маннергеймовского царства:

«Здесь вчера было очень интересное событие. Когда я шла от мамы, то увидела толпу на улице. Я тоже остановилась. На крыше церкви бегал солдат. Люди мне рассказывали, что он убежал из-под ареста, где находился за отказ воевать против русских. Солдат стрелял по улице. Полицейские бегали за ним по крыше с револьверами. Но тут вдруг началась воздушная тревога. Полицейские испугались, и солдат скрылся...»

«Весело проводят время жители этого столичного города. Хлеба нет, но зато какие бесплатные зрелища!

Солдат на крыше церкви — точно ангел, спустившийся с небес. Ангел с винтовкой благословляет барона Маннергейма. А по пятам стреляющего ангела бегают полицейские демоны с револьверами.

Это — первое явление. А во втором явле-

нии новые действующие лица: на небе, над крышами Хельсинки, появляются русские стальные птицы. Тревожно гудит сирена. А так как хельсинкские полицейские терпеть не могут фугасок, они стремительно оставляют свои шаткие позиции на крыше церкви, сменяв их на уютный подвал под церковью. Воспользовавшись суматохой, ангел с винтовкой исчезает, растворившись в сиянии голубого дня.

Уличное представление окончилось. Милостивые государыни и милостивые государи, скорее расходитесь по бомбоубежищам! О дне следующего спектакля будет объявлено особо.

Весело жителям Хельсинки. Хорошо им живется. Вот прямое доказательство. Финскому сержанту Иохансону пишет жена Ирма:

«Мы все живем хорошо и питаемся только травой. Скоро совершенно забудем, как выглядят рыба и мясо...»

Цензура научила финнов великому искусству сочинения писем:

«Мы живем хорошо и питаемся только травой».

«Мама вне себя от радости! Она весело плачет целыми днями, узнав, что Уцго убил на фронте».

Солдат на крыше и трава вместо обеда — это не случайные эпизоды. Это символы сегодняшней Финляндии, страны подъяремной, страны обескровленной и опустошенной немцами и раболопными маннергеймами.

Солдат на крыше — это армия Маннергейма. Трава вместо хлеба — это тыл Маннергейма.

Солдату Лампинену пишет мать из деревни: «В воскресенье будут похороны матери Валимяки. Сейчас из этой деревни все старые умирают: они не могут выдержать настоящего положения».

Шила в мешке не утаишь. Как ни свирепствует цензура, а все же хоть небольшая часть таких писем доходит до фронта. И солдаты узнают, что не только они одни умирают за Гитлера. Умирают их отцы и матери.

А дети? Что с детьми? И об этом доходят вести на фронт.

Калле Руха, солдат 3-й роты 11-го пехотного полка финской армии, попал в плен на Карельском фронте. Вот что он рассказывает:

«Положение в тылу очень тяжелое. Недавно врачи произвели обследование состояния здоровья новорожденных и опубликовали свои выводы, в которых говорят, что большой процент новорожденных рождается слепыми или уродами из-за отсутствия питания у матери».

И вот что еще рассказывает этот солдат:

«В тылу часто происходят драки с немцами из-за женщин. В Хюрюнсальми один наш солдат недавно убил немца из-за своей жены. Летом я был в Сулу и сам был свидетелем того, как немцы насильно повели наших женщин к себе».

Лаури Райвонен, солдат 2-й роты 2-го отдельного батальона финской армии, добавляет: «Финские солдаты ненавидят немцев. Один солдат нашего батальона (фамилия его не помню) был в отпуску в городе Пори. Придя домой, он застал у своей жены немца. Ударом полена он разбил гитлеровцу голову. Солдата арестовали, и с тех пор о нем ничего не слышно».

Немцы при содействии престарелого барона Маннергейма превратили Финляндию в большой дом терпимости. Вывеска — «Новый порядок». И за нарушение внутренних правил этого дома строго карают финнов. Немцы — хозяева в стране. А хозяину ни в чем не перечь!

Есть от чего финскому солдату лезть на крышу!

Недавно один финский командир батальона чистосердечно сознался перед своими коллегами:

— Я сплю все время в сапогах, потому что надеюсь больше на свои ноги, чем на своих солдат.

Хорошо ему, молодому, похвастаться ногами. Но каково дряхлому Маннергейму? У него нет никакой надежды ни на ноги, ни на солдат.

Да что там солдаты! Даже некоторые господа офицеры, которые еще в прошлом году лихо бряцали оружием, сейчас настолько помнели, что начали... сходить с ума.

Военнопленный Лаури Райвонен рассказывает:

«Война надоела не только солдатам, но и офицерам. Знаю случаи, когда офицеры во время боя простреливали себе руку или ногу и попадали, таким образом, в тыл лечиться. Многие офицеры устраивают себе «расстройство нервов» и попадают в дом умалишенных в Хяръявирта, а там получают отпуск после излечения».

— Господин обер-лейтенант, вы отправляетесь на фронт?

— Приходится. Я, к сожалению, еще с ума не сошел...

— Господин обер-лейтенант, вы возвращаетесь с фронта в тыл?

— О, да! Я ведь, слава богу, сошел с ума. А вы?

— Спасибо. Схожу понемножку.

— Торопитесь, а то будет поздно.

— Да здравствуют Маннер и Таннер!

— Прекрасно! Вы хорошо успеваете. Еще два-три таких упражнения — и вы подлый сумасшедший...

Г. РЫКЛИН

Новые формы «содружества народов» по-фашистски.

Анекдоты, ✓

рассказанные немецкими пленными

ГИТЛЕР И ПАСТУШОК

Гитлер, Геринг и Геббельс ехали однажды в автомобиле и попали в пруд. Их спас пастушок. Все трое спросили мальчика, какое вознаграждение он хочет получить за оказанную помощь.

Первым спросил Геббельс. Мальчик пожелал от него получить автомобиль.

Вторым спросил Геринг. От Геринга мальчик пожелал получить самолет, что ему последний и обещал.

Наконец, с тем же вопросом к нему обратился Гитлер.

Мальчик ответил: «От фюрера я желаю бы хороших похорон после моей смерти». Гитлер спросил его: почему он уже думает о смерти? Мальчик ответил: «Когда я приду домой и отец узнает, что я спас жизнь такому сукиному сыну, он сейчас же убьет меня. Поэтому я и прошу заранее, чтобы мне устроили хорошие похороны».

НЕУДАЧНИК

Два немца сидели дома и обсуждали трудности жизни: есть нечего, того и гляди попадешь на фронт. Что же де-

лать? Из этого положения только один выход — попасть в тюрьму. Там, по крайней мере, спокойно и кое-что дают пожрать. Но как это сделать? Украсть что-нибудь в магазине? Сказано — сделано. Но и тут не повезло. В магазине было пусто. «Ничего не вышло», — сказал один из них другому. «Тогда попытай счастья на политической арене». Он направился к областному фашистскому руководителю, позвонил. Руководитель сам открыл ему дверь. «Рот фронт!» — крикнул ему неудачник. Руководитель, схватив

пальто и шапку, воскликнул: «Как, уже началось?!»

ДРУГ НЕМЦЕВ

По улицам Варшавы шел человек и бормотал про себя:

— На немцев я бы даром работал ежедневно по двенадцать часов.

Шедший зади него немецкий полицейский спросил:

— Почему ты работал бы на немцев даром по двенадцать часов? Кто ты?

— Я могильщик, — был ответ.

Записал М. СОКОЛОВ
Западный фронт.

ВЕСЕЛАЯ ВЕНА

«Я думаю, что в Вене сейчас больше раненых, чем жителей». (Из показаний венгерского военнопленного).

Рис. Л. Бродаты

Большой вальс